

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАВМ НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АНАЛИЗ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТКОНФЛИКТНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Аннотация. Статья исследует сложное и многогранное влияние исторических травм на постконфликтные общества, анализируя их воздействие на различные аспекты социальной и культурной жизни. Исторические травмы, вызванные войнами, геноцидами, насильственной депортацией, репрессиями и другими катастрофами, оставляют глубокий след в коллективной памяти и идентичности народов, оказывая значительное влияние на их политическую культуру и межгрупповые отношения. Исторические травмы формируют идентичность, влияют на коллективную память и политические процессы в постконфликтных обществах. Особое внимание уделяется механизмам трансгенерационной передачи этих травм, когда последствия катастроф продолжают ощущаться на протяжении нескольких поколений. Исследуется роль мемориальных практик, таких как памятники, музеи, публичные мероприятия и образовательные программы, в сохранении памяти о прошлом и формировании новых нарративов.

Особое внимание уделяется вопросам формирования новой идентичности, основанной на принципах ответственности, солидарности и созидания. Осознание и признание исторических травм, а также разработка гуманной мемориальной политики, играют ключевую роль в этом процессе. Такие подходы способствуют преодолению негативных последствий исторических травм и созданию условий для мирного сосуществования и устойчивого развития.

Анализ опирается на междисциплинарный подход, включающий социологию, психологию, культурологию, политологию и другие науки. Это позволяет рассмотреть проблему с разных точек зрения и предложить комплексные решения, учитывающие как индивидуальные, так и коллективные аспекты переживания и преодоления исторических травм.

Результаты исследования позволяют глубже понять механизмы влияния исторических травм на общество и предложить комплексные решения, учитывающие как индивидуальные, так и коллективные аспекты переживания и преодоления этих травм.

Ключевые слова: историческая травма, коллективная память, идентичность, постконфликтное общество, геноцид.

Kuzmina T.P., Moros E.F.

Krasnoyarsk Institute of Railway Transport is a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Irkutsk State University of Railways", Krasnoyarsk, Russian Federation

THE IMPACT OF HISTORICAL TRAUMAS ON MODERN SOCIETY: AN ANALYSIS OF IDENTITY AND SOCIAL RELATIONS IN POST-CONFLICT SOCIETIES

Abstract. The article examines the complex and multifaceted impact of historical trauma on post-conflict societies, analyzing their effect on various aspects of social and cultural life. Historical traumas caused by wars, genocides, forced deportations, repressions, and other catastrophes leave a deep imprint on the collective memory and identity of peoples, significantly influencing their political culture and intergroup relations.

Historical traumas shape identity, affect collective memory, and political processes in post-conflict societies. Special attention is paid to the mechanisms of transgenerational transmission of these traumas, when the consequences of catastrophes continue to be felt over several generations.

The role of memorial practices, such as monuments, museums, public events, and educational programs, in preserving memory of the past and shaping new narratives is explored.

Particular emphasis is placed on the issues of forming a new identity based on the principles of responsibility, solidarity, and creation. Awareness and recognition of historical traumas, as well as the development of humane memorial policies, play a key role in this process. Such approaches contribute to overcoming the negative consequences of historical traumas and creating conditions for peaceful coexistence and sustainable development.

The analysis relies on an interdisciplinary approach, including sociology, psychology, cultural studies, political science, and other sciences. This allows us to consider the problem from different perspectives and propose comprehensive solutions that take into account both individual and collective aspects of experiencing and overcoming historical traumas.

The results of the study allow a deeper understanding of the mechanisms of the impact of historical traumas on society and the proposal of comprehensive solutions that take into account both individual and collective aspects of experiencing and overcoming these traumas.

Keywords: *historical trauma, collective memory, identity, post-conflict society, genocide.*

Историческая травма представляет собой не просто след трагических событий прошлого, а сложную систему влияний, которые пронизывают различные уровни общественной жизни. Её воздействие не ограничивается эмоциональной памятью или отдельными эпизодами исторических нарративов. Напротив, историческая травма является многослойным феноменом, потому что проявляется одновременно в ряде взаимосвязанных аспектов — психологическом, культурном, социальном, политическом, правовом и морально-этическом. Каждый из этих аспектов обладает собственной спецификой и механизмами влияния, однако в совокупности они формируют устойчивую систему, которая продолжает действовать на протяжении десятилетий и даже столетий после завершения самих травматических событий [1].

Психологический аспект является основным, через него начинается восприятие и закрепление коллективной боли. Историческая травма оказывает влияние не только на непосредственных свидетелей трагедии, но и на их потомков. Этим она отличается от индивидуальной психологической травмы, которая чаще всего связана с личным опытом и требует терапевтической обработки внутри ограниченного круга переживаний. В случае исторической травмы, речь идёт о пережитой предшествующими поколениями психологической травмы, которая может передаваться последующим поколениям, влияя на их психоэмоциональное состояние

Этот процесс может происходить по-разному: в семье передаются определенные истории, которые могут формировать различные традиции, ценности, взгляды. Такие рассказы формируют у потомков специфическое представление о себе, своём происхождении, своём месте в истории. Например, дети репрессированных в сталинский период в СССР часто не знали подробностей семейной истории, но интуитивно улавливали тревожность, осторожность родителей, их недоверие к государству, страх публичных высказываний. Эти состояния становились частью внутреннего мира ребёнка, определяя его поведение, выбор и самоощущение.

В последние годы активно развивается направление, изучающее биологические (в том числе эпигенетические) механизмы передачи травмы. Речь идёт о том, что сильный стресс может изменять экспрессию определённых генов, регулирующих реакцию на тревогу, страх, агрессию. Эти изменения, как показывают эксперименты на животных и подтверждаются данными по потомкам выживших в Холокосте, могут передаваться по наследству. Последствия исторических травм могут проявляться у последующих поколений в виде тревожности, депрессии, чувства отчуждения и недоверия. Выжившие люди часто сталкиваются с посттравматическим стрессовым расстройством и нарушением эмоционального состояния [3].

Особенно значимым психологическим следствием исторической травмы является формирование идентичности жертвы. Люди, чья история связана с пережитым насилием, геноцидом или массовыми репрессиями, часто воспринимают свою принадлежность к группе через призму страдания. Это приводит к устойчивым установкам — ожиданию несправедливости, акценту на боли, замкнутости и подозрительности. Такой подход может препятствовать социальной адаптации, снижать уровень открытости к другим группам, затруднять участие в общественной жизни.

В совокупности всё это говорит о том, что психологический аспект исторической травмы требует особого внимания. Он формирует основу того, как человек воспринимает мир, как он реагирует на угрозу, как он воспитывает детей и как выстраивает отношения с другими людьми. Игнорирование этих последствий может привести к повторному воспроизводству травмы — уже в новых формах и в новых исторических обстоятельствах.

Культурный аспект исторической травмы представляет собой один из ключевых механизмов её сохранения и воспроизводства в общественном сознании. В отличие от психологического, связанного преимущественно с индивидуальными и семейными переживаниями, культурный уровень охватывает формы коллективного выражения памяти. Через культуру общество не просто хранит информацию о трагических событиях – оно осмысляет, перерабатывает и заново оформляет её в знаки, символы, ритуалы, которые становятся частью повседневной жизни [5].

На культурном уровне историческая травма закрепляется прежде всего через мемориальные практики. Это могут быть памятники, мемориальные комплексы, музеи, названия улиц, даты в календаре, массовые мероприятия, и даже школьные уроки. Каждое из этих явлений формирует у общества определённый способ взаимодействия с прошлым. Например, в Германии после Второй мировой войны активно развивалась культура памяти о преступлениях нацизма. Мемориалы, такие как мемориал Холокоста в Берлине или концентрационные лагеря, превращённые в музеи, служат не только напоминанием о трагедии, но и инструментом нравственного воспитания и политической рефлексии.

Кроме формальных памятных практик, историческая травма находит своё выражение в символической системе общества. Это язык, художественные образы, метафоры, мифы, которые становятся устойчивыми способами описания прошлого. В литературе, кино, живописи, театре, музыке появляются типичные образы жертв, палачей, героев, страдальцев, которые становятся частью культурного кода. Так, в еврейской культуре после Холокоста сформировался специфический символизм боли, выживания и вечной памяти, выраженный не только в документах, но и в поэзии, кинематографе, изобразительном искусстве. Эти формы культурной репрезентации позволяют донести опыт страдания до новых поколений, делая его частью их идентичности [6].

Важно отметить, что культура памяти формируется не только сверху – через официальные каналы, но и снизу – через народные, спонтанные формы выражения. Люди создают самодельные памятники, пишут личные истории в интернете, выкладывают фотографии в социальных сетях, делятся семейными рассказами. Эти формы «народной памяти» играют важную роль, потому что они позволяют сохранить множественность взглядов и персонализировать историю. В условиях, когда государственная политика памяти может быть односторонней, именно культура становится пространством, где возможно свободное осмысление прошлого.

С другой стороны, нельзя игнорировать, что именно культура даёт обществу возможность говорить о травме в тех случаях, когда политические или юридические инструменты молчат. В авторитарных странах, где память о трагедиях под запретом, именно культура часто становится единственным пространством, где возможна рефлексия. Например, в СССР вопрос о ГУЛАГе долгое время был табуирован, но постепенно находил отражение в самиздате, литературе, песнях, личных дневниках. В результате культурная сфера выступает как поле борьбы за память, как инструмент сопротивления забвению [8].

Социальный аспект исторической травмы охватывает те изменения, которые происходят в структуре, связях и динамике общества в результате коллективного переживания трагических событий. Влияние исторической травмы в этом контексте проявляется не столько в индивидуальных реакциях, сколько в изменении отношений между людьми, группами и институтами. Она влияет на то, как формируются общественные роли, как складываются механизмы солидарности и отчуждения, и как строится социальное взаимодействие в целом. Иными словами, социальный уровень травмы определяет, каким образом пережитая катастрофа влияет на обыденную и институциональную жизнь общества [9].

Одним из ключевых последствий исторической травмы является ухудшение межгруппового доверия. После коллективных катастроф, особенно если они носили характер насилия между различными этническими, религиозными или политическими группами, общество оказывается фрагментированным. Между этими группами сохраняется память о враждебности, предательстве, несправедливости. Такая память может быть как прямой —

основанной на личном опыте, так и переданной – через рассказы родителей, семейные мифы, общественные образы. В результате возникает устойчивая установка на социальную дистанцию, которая мешает кооперации, взаимопомощи и даже просто повседневному взаимодействию между людьми из разных сообществ.

Кроме того, социальное измерение травмы проявляется в изменении структур социальной мобильности и взаимодействия. В обществах, переживших репрессии, депортации или этнические чистки, определённые группы могут оказаться в положении маргинализированных – не только экономически, но и символически. Например, потомки депортированных народов могут сталкиваться с трудностями в получении образования, устройства на работу, доступе к политическому представительству. Эти ограничения часто не носят формально юридического характера, но закреплёны в общественных установках, стереотипах и «молчаливых» правилах. Таким образом, историческая травма формирует устойчивое социальное неравенство, которое сохраняется даже спустя десятилетия.

Ещё одним важным проявлением социального аспекта является утрата доверия к институтам. Когда государство или другие официальные структуры становятся участниками травматических событий – например, проводят репрессии, участвуют в подавлении протестов, не обеспечивают защиту жертв – возникает длительная утрата легитимности власти. Люди, чьи семьи пострадали от государственного насилия, часто воспринимают любую форму власти как потенциально опасную, несправедливую или враждебную. Это недоверие может передаваться по наследству, укрепляться через общественные нарративы и становиться основой для формирования теневой социальной культуры, в которой официальные правила игнорируются, а решающее значение имеют неформальные связи и взаимопомощь «среди своих» [10].

Интересен также феномен социального молчания, который возникает, когда общество избегает открытого обсуждения травматического прошлого. Часто это делается во имя сохранения единства, политической стабильности или просто из страха перед повторной травматизацией. Однако замалчивание прошлого не устраняет его последствий, а лишь делает их менее заметными и более устойчивыми. В условиях социального молчания формируются «зоны тишины» – темы, которых не касаются в школах, не обсуждают в СМИ, игнорируют в публичных дебатах. Это приводит к отсутствию критического осмысления истории и, как следствие, к невозможности выработать стратегии социальной интеграции.

В некоторых обществах, особенно с высоким уровнем политической поляризации, историческая травма становится основой для конкуренции нарративов, когда разные группы создают противоположные версии прошлого, отстаивая свою интерпретацию трагических событий. Это препятствует формированию единой исторической памяти и делает невозможным появление общей социальной идентичности. Например, на постсоветском пространстве продолжаются споры о значении событий сталинской эпохи, репрессий, роли СССР во Второй мировой войне. Эти споры часто становятся не научными или культурными, а политизированными и эмоционально заряженными, что только усиливает раскол.

Отдельно стоит отметить роль общественных инициатив и гражданского общества в преодолении последствий социальной травмы. Там, где государственные структуры не готовы или не хотят заниматься осмыслением прошлого, именно инициативные группы, правозащитные организации, волонтёры и независимые исследователи становятся теми, кто сохраняет память, проводит исследования, организует выставки, создает архивы и помогает жертвам. Эти формы «низовой» памяти играют важную роль в восстановлении социальной ткани, так как они создают пространство для диалога, признания и участия. Без такой инициативы общество рискует застыть в состоянии молчаливого отчуждения [11].

Политический аспект исторической травмы охватывает те способы, с помощью которых государственные и идеологические институты включают коллективное страдание в систему политической власти, символов и решений. В отличие от культурного или социального аспектов [12], которые могут развиваться независимо от официальных структур, политический уровень формируется и контролируется в значительной степени сверху — через

законы, риторику, государственные программы, внешнюю политику и систему образования. Он определяет, как именно интерпретируется травматическое прошлое, кому предоставляется статус жертвы, кто наделяется правом говорить от имени истории и какие формы памяти становятся официальными.

Одним из ключевых механизмов политизации исторической травмы является её институционализация – включение в систему государственной символики, законодательства, публичной риторики. Государство выбирает, какие события признавать трагедией, какие группы – пострадавшими, какие даты – памятными. Это неизбежно связано с селективностью: часть прошлого поднимается на пьедестал, другая часть – игнорируется или замалчивается. Таким образом, историческая травма становится не только вопросом памяти, но и политического представительства: кому дозволено вспоминать и как именно.

Особенно ярко этот процесс проявляется в обществах, переживших переход от авторитаризма к демократии или от конфликта к миру. Такие общества находятся в состоянии поиска новой легитимности, и историческая травма становится ресурсом для формирования коллективной идентичности. Например, в Южной Африке после апартеида власти провели широкомасштабную работу по признанию травмы, создав Комиссию по истине и примирению. Этот шаг стал не только актом морального признания, но и элементом политической стратегии – способа построения новой, инклюзивной нации. Аналогичный подход был реализован в Руанде после геноцида 1994 года: государство приняло на себя задачу не только осудить преступления, но и интегрировать память в процессы национального восстановления.

Однако в других случаях политическая работа с травмой может принимать инструментальный или манипулятивный характер. Государства могут использовать травму как инструмент национальной мобилизации, устраивая кампании, основанные на страдании, враждебности к «виновным» или героизации прошлого. Такая практика характерна, например, для некоторых постсоветских стран, где память о Второй мировой войне используется не только как источник гордости, но и как аргумент в современных международных спорах. В таких случаях историческая травма становится частью геополитического дискурса, она встраивается в систему внешнеполитических приоритетов и используется для обоснования современных конфликтов и территориальных претензий [13].

Политическое использование травмы может принимать и внутривнутриполитический характер. Правящие элиты, опираясь на память о трагедиях прошлого, могут легитимировать свою власть как «наследников победителей» или «защитников от повторения». Это особенно опасно в условиях авторитаризма, когда травматическое прошлое превращается в основу для ограничений, репрессий или подавления альтернативных взглядов. При этом память о жертвах может быть использована выборочно: одни группы признаются, другие – исключаются из официального нарратива. Такое политическое искажение памяти ведёт к росту напряжённости и поляризации, поскольку нарушает принцип равного признания страдания.

Другим направлением политического измерения травмы является разработка официальных программ примирения и компенсации. Они могут включать как материальные формы (репарации, льготы, восстановление прав), так и символические (извинения от имени государства, переименование улиц, внесение событий в учебники). Такие действия имеют большое значение, особенно если они реализуются искренне и последовательно. Они показывают готовность государства не только признать ошибки, но и участвовать в восстановлении доверия между различными группами. Однако в тех случаях, когда компенсационные меры носят декларативный или избирательный характер, они не способствуют исцелению, а лишь усиливают чувство несправедливости.

Не менее важно и то, как политическая риторика влияет на межпоколенческое восприятие истории. Молодёжь формирует свои взгляды на прошлое во многом через то, как об этом говорят официальные представители власти, какие праздники отмечаются, какие символы доминируют в пространстве. Поэтому политическое отношение к исторической травме определяет не только текущие отношения в обществе, но и его будущее. Если

государство поощряет открытость, критическую рефлексию и честный диалог, это даёт шанс на формирование зрелой и ответственной гражданской позиции. Если же акцент делается на мифологизацию, сакрализацию и односторонние интерпретации, это ведёт к формированию закрытого и подозрительного типа мышления, ориентированного не на сотрудничество, а на изоляцию [14].

Морально-этический аспект исторической травмы охватывает вопросы, которые невозможно разрешить исключительно через право, политику или науку. Речь идёт о ценностях, принципах, общественной совести и коллективной способности к саморефлексии. Это тот уровень, на котором общество решает: как относиться к прошлому, что считать допустимым в интерпретации трагедий, кого называть жертвами и палачами, нужно ли прощение и кто имеет право его давать. Этическое измерение – наиболее сложное и чувствительное, так как оно напрямую связано с понятием ответственности, сострадания и справедливости.

Этический аспект также связан с вопросом права на память. Кто имеет право говорить о страдании? Кто определяет, что считать травмой, а что – героизмом? Эти вопросы нередко вызывают споры и конфликты в обществе. Некоторые группы чувствуют, что их боль не признана, замалчивается или искажается. Это может быть связано с политической цензурой, социальной маргинализацией или просто нехваткой институциональной поддержки. Этическое общество – это то, которое даёт голос разным формам страдания, не ранжирует травмы по степени важности, не сводит память к официальному канону. Подлинная моральная работа с прошлым начинается с уважения к разным опытам и готовности услышать даже неудобные свидетельства [15].

Не менее значимым является и вопрос прощения и примирения. Может ли общество простить преступления прошлого? И кто имеет право давать это прощение – жертвы, их потомки, государство, церковь? Эти вопросы не имеют универсальных ответов. В некоторых случаях прощение может стать актом освобождения, шагом к примирению. В других – воспринимается как предательство памяти, как попытка закрыть тему без реального признания вины. Этические дилеммы особенно остро проявляются, когда речь идёт о системных преступлениях – геноциде, этнических чистках, тоталитарных репрессиях. Примирение, в таких случаях, должно быть не поверхностным жестом, а результатом глубокого, длительного и открытого процесса, включающего правду, раскаяние и компенсацию.

Этический подход к исторической травме также предполагает отказ от манипуляции памятью. Страдание не должно становиться инструментом политического давления, оправданием насилия или способом получения преимуществ. Когда память используется как оружие, это разрушает моральные основания общества и превращает историю в арену конфликта. Поэтому важнейшим требованием к этике памяти является искренность: честное признание ошибок, готовность к диалогу, уважение к другому опыту. Это трудный путь, но только он может привести к подлинному примирению и социальной устойчивости [11].

Наконец, морально-этический аспект исторической травмы связан с идеей коллективной совести – неформального, но глубоко укоренённого чувства ответственности, которое существует не в законах, а в людях. Совесть — это внутренний барометр справедливости, способный указывать обществу, где оно ушло от истины, где нарушило баланс между памятью и забытием. Историческая травма, осмысленная через совесть, превращается не в обиду, а в напоминание: о хрупкости мира, о цене человеческой жизни, о важности сострадания. Этическая память – это не только знание, но и действие, готовность не повторять, не молчать, не закрывать глаза [8].

Морально-этический аспект исторической травмы является тем основанием, без которого невозможна полноценная работа с её последствиями. Он задаёт ориентиры – не формальные и не политические, а человеческие. Именно здесь, в пространстве между совестью, памятью и ответственностью, рождается шанс на то, чтобы боль прошлого не стала цепью, а превратилась в источник силы, единения и зрелости общества.

Заключение

Осознание исторической травмы и её многогранного влияния, а также внедрение гуманной, инклюзивной, открытой и комплексной мемориальной политики являются ключевыми элементами в создании новой идентичности. Эта идентичность строится на принципах ответственности, солидарности, созидания и взаимоуважения. Такие меры не только помогают преодолеть негативные последствия исторических травм, но и способствуют построению более мирного, справедливого, гармоничного и устойчивого общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александрова Е. В. Коллективная память и историческая травма // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 85–91.
2. Баранов П. А. Исторические нарративы и коллективная идентичность. — М.: Российская академия наук, 2017. 256 с.
3. Вертелицкая А.И. Трансгенерационная травма с точки зрения психоанализа // Молодой ученый. 2023. № 27 (474). С. 251–253.
4. Каритас Швейц «Альянс за Фриден» под руководством Томаса Гасса и Герта Док, Positionspapier 8. Люцерн: Caritas-Verlag, 2000. Р. 83.
5. Волкан В. Кровные узы: от этнической гордости к этническому терроризму. М.: Академический проект, 2005. 368 с.
6. Гальтунг Й. После насилия: восстановление, примирение и разрешение конфликтов // Примирение, справедливость и сосуществование / под ред. Й. Гальтунга. — М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 3– 23.
7. Голынич Е.О. Этнос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 29–50.
8. Гулевич О.А., Осин Е.Н. Психологические факторы отношения к войне: теоретический обзор // Социология власти. 2023. Т. 35. № 1. С. 31–50.
9. Фердоуси Мира. Internationale Politik в 21. Jahrhundert, Введение // Internationale Politik Ярхундерт. УТБ Вильгельм Финк Верлаг, 2002. Р. 9–29.
10. Дымова Е.Н. Ретроспективный анализ посттравматического стресса в годы Великой Отечественной войны// Клиническая и специальная психология. 2021. Том 10. № 3. С. 1–16.
11. Фердоуси Мира, Мэттис В. (ред.) Den Frieden gewinnen. Консолидация компании Friedensprozessen in Nachkriegsgesellschaften, Reihe EINE Welt, Stiftung Entwicklung und Frieden. Бонн: Verlag J.H.W. Ditzsch, 2003. Р. 325.
12. Дымова Е.Н. Ретроспективный анализ посттравматического стресса в годы Великой Отечественной войны // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10. № 3. С. 1—16.
13. Дымова Е.Н. Ретроспективный анализ посттравматического стресса в годы Великой Отечественной войны // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10. № 3. С. 1—16.
14. Мацкевич И. Политика памяти в постсоветской России // Вестник Российского исторического общества. 2020. Т. 30, № 4. С. 45– 62.
15. Фоллетт М. П. Пророк менеджмента. Бостон: Издательство Гарвардской школы бизнеса, 1995.

REFERENCES

1. Aleksandrova E. V. Collective Memory and Historical Trauma // Sociological Studies. 2021. No. 3. P. 85–91.
2. Baranov P. A. Historical Narratives and Collective Identity. — Moscow: Russian Academy of Sciences, 2017. 256 p.
3. Vertelitskaya A. I. Transgenerational Trauma from the Point of View of Psychoanalysis // Young Scientist. 2023. No. 27 (474). P. 251–253.

4. Caritas Schweiz "Alliance for Frieden" led by Thomas Gass and Gert Dok, Positionspapier 8. Lucerne: Caritas-Verlag, 2000. P. 83.
5. Volkan V. Blood Ties: From Ethnic Pride to Ethnic Terrorism. M.: Akademicheskiy proekt, 2005. 368 p.
6. Galtung J. After violence: restoration, reconciliation and conflict resolution // Reconciliation, justice and coexistence / edited by J. Galtung. – M.: INION RAS, 2003. Pp. 3-23.
7. Golynchik E.O. Ethos of intractable interethnic conflict: research approaches and study prospects // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and pedagogy. 2020. Vol. 17. No. 1. Pp. 29-50.
8. Gulevich O.A., Osin E.N. Psychological factors of attitude towards war: a theoretical review // Sociology of power. 2023. Vol. 35. No. 1. Pp. 31-50.
9. Ferdowsi Mira. Internationale Politik in 21. Jahrhundert, Introduction // Internationale Politik Jahrhundert. UTB Wilhelm Fink Verlag, 2002. P. 9–29.
10. Dymova E.N. Retrospective Analysis of Post-Traumatic Stress During the Great Patriotic War // Clinical and Special Psychology. 2021. Vol. 10. No. 3. P. 1–16.
11. Ferdowsi Mira, Mattis W. (eds.) The Frieden gewinnen. Consolidation of the Friedensprozessen company in the Nachkriegsgesellschaften, Eine Welt, Stiftung Entwicklung und Frieden. Bonn: Verlag J.H.W. Dietz, 2003. R. 325.
12. Dymova E.N. Retrospective analysis of post-traumatic stress during the Great Patriotic War // Clinical and Special Psychology. 2021. Vol. 10. No. 3. Pp. 1-16.
13. Dymova E.N. Retrospective analysis of post-traumatic stress during the Great Patriotic War // Clinical and Special Psychology. 2021. Vol. 10. No. 3. Pp. 1-16.
14. Matskevich I. Politics of memory in post-Soviet Russia // Bulletin of the Russian Historical Society. 2020. Vol. 30, No. 4. Pp. 45–62.
15. Follett M.P. Prophet of Management. Boston: Harvard Business School Press, 1995.

Информация об авторах

Кузьмина Таисия Павловна- студент группы СОД2-24-1, Красноярский институт железнодорожного транспорта, г. Красноярск, e-mail: kzmns.ts@mail.ru

Мороз Елена Федоровна-Канд.филос.наук, доцент, доцент кафедры Управление персоналом, Красноярский институт железнодорожного транспорта, г.Красноярск, e-mail: moroslensl@yandex.ru

Information about the authors

Kuzmina Taisia Pavlovna- student of SOD group 2-24-1, Krasnoyarsk Institute of Railway Transport, Krasnoyarsk, e-mail: kzmns.ts@mail.ru

Moros Elena Fedorovna-Candidate of Philology.PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Personnel Management, Krasnoyarsk Institute of Railway Transport, Krasnoyarsk, e-mail: moroslensl@yandex.ru